Погорелый Алексей

Темнее ночи — только Он

Алексей Погорелый
«Темнее ночи — только он»

https://litres.ru/74737790
SelfPub; 2026

Аннотация

Есть города, которых нет на картах. Старый Горчак — из таких. Здесь спят спокойно, потому что страха в городе больше нет: его вырезали. Полвека Институт Природной Боли (И.П.Б.) обещает жителям тишину, но берёт плату, которую не вписать в чек: вместе со страхом из человека изымают память, имя и лицо. Прошедший процедуру перестаёт бояться. И перестаёт быть собой.

Двадцатилетний студент Алексей Архипов вырос в этом стерильном аду. Всё меняется, когда во сне к нему возвращается чёрный кот из детства. Взгляд в его глаза — и мир смазывается: кот оказывается живой дверью во времени, а за ней — 1927-й, 1987-й и 2007-й годы.

Вместе с Ульяной — журналисткой, которая задаёт слишком правильные вопросы, — и котом, который уже не раз проходил этот маршрут, Алексей начинает раскручивать петлю времени. Но наш герой — далеко не спаситель.

Это история о боли, которую нельзя вырезать, не уничтожив человека. О времени, которое можно дописать. И о ночи которая темнее только там, где никто не ждал рассвета.

Алексей Погорелый
«Темнее ночи — только он»

Автор Погорелый Алексей роман «Темнее ночи — только он»

«Темнее ночи — только он»

Часть первая. Старый Горчак

Глава 1

Двадцатилетний парень, с виду обычный студент XXI ве-

ка, уже почти с закрытыми глазами ставит телефон на зарядку. Тяжелый корпус глухо стукает о деревянную тумбочку. Рядом, прислоненная к лампе, стоит фотография: он сам и какой-то чёрный кот, размытый на переднем плане, словно смазанный движением. Юноша засыпает и проваливается в сон не сразу, а как-то кусками, цепляясь остатками сознания за звук гудящей зарядки.

Эпизод сменяется не плавно, а рывком, от которого внутренности подступают к горлу. Он оказывается в заброшенном российском военном госпитале. Воздух здесь пахнет сырой штукатуркой, битым стеклом и чем-то сладковато-металлическим. Он в глубинке, в закрытом городке, куда, кажется, не ступала нога человека лет десять. Парень не представляет, где находится. Его одолевает липкий, холодный страх и паника, но что-то неумолимо тянет его вглубь. Это не зов, это физическое ощущение, словно наклон пола изменился. То ли голос давно забытой девушки, звенящий на грани ультразвука, то ли мяуканье кота, который был у него в детстве — тот самый звук, когда кот просил открыть дверь в кладовку. Он устремляется дальше и дальше, проходя одно проржавевшее заграждение за другим. Сетка-рабица цепляется за куртку, оставляя затяжки. Ограды напоминают военные оборонительные рубежи — то ли от зомби из старых игр, то ли просто от нечисти, которую не хочется называть по имени, но ноги сами несут его вперед, против воли.

Вот он уже подходит к главному КПП перед госпита-

лем. Массивные ворота приоткрыты с жуткой неестественной плавностью. Сквозь них виднеется какой-то памятник, покрытый зеленой плесенью, а рядом на асфальте раскиданы стоптанные жилеты и застиранные простыни. Видно, что если здесь и была жизнь, то лет десять-двенадцать назад, и покидали этот городок в такой спешке, что бросали даже личные вещи. Но это его не отпугивает. Страх отступает перед любопытством, куда более древним и опасным.

Блуждая уже час в потемках между остовов заброшенных кирпичных пятиэтажек, он замечает тусклый, мерцающий свет в окне третьего этажа одного из зданий. Для героя это не просто свет, это свет надежды, физический якорь в этой темноте. Он окончательно устал, подошвы кроссовок стерлись о битый кирпич, а непонимание, где он, уже засело в печенках, давит на диафрагму, мешая дышать. Но выбора нет: свет горит только в одном здании, и это здание дышит. Придется заходить.

Он поднимается по бетонной лестнице в главный вход, сбивая подошвами куски отслоившейся плитки. Оглядывается — никого. Поворачивает направо по коридору, затем налево — в пустой кабинет, проходит его насквозь, путаясь в свисающих проводах, и сам не зная как оказывается в комнате дежурного врача. Он видит огромное, во всю стену, стекло, какие-то аппараты с тускло горящими лампами, датчики, а за стеклом — обычную палату психушки, только слишком чистую, стерильную. У него проскакивает мысль, что здесь,

похоже, проводили опыты над душевнобольными, но не медицинские, а… инженерные. И то ли голос в голове, то ли кто-то шепчет ему прямо на ухо, обдавая затылок гнилым дыханием: «Ты прав».

Вдруг в комнату забегает чёрный кот — вылитый Васька из его детства, до последней белой пряди на груди. — Васька! — пытается окликнуть он, и голос его звучит чужим, хриплым карканьем. Но кот, лишь мазнув по нему жёлтым взглядом, в котором на долю секунды вспыхнуло узнавание, сразу выбегает из комнаты. Герой устремляется за ним, чувствуя, как сердце пропускает удар. Пробежав несколько пролетов вниз и пару одинаковых, выкрашенных зеленой краской коридоров, он понимает, что заблудился. Пока он бегал, вечер сменился ночью мгновенно, словно кто-то просто выключил рубильник солнца. Электричества в госпитале, скорее всего, нет, думает он, но где-то вдалеке всё равно мелькает свет — здание, видимо, подключено к аварийному генератору, который работает на последнем издыхании. Герой наконец перестает паниковать. Паника — это топливо, оно кончилось.

Что-то касается его ноги. Не толкает, а именно касается — легко, почти нежно, словно проверяя температуру. Он подпрыгивает так высоко, что ударяется макушкой о низкий потолок подвала, но старается не закричать, мысленно надеясь, что это кот вернулся в комнату. Так оно и оказалось. Он берет кота на руки. Тот устраивается как ни в чем не бывало,

тёплый, настоящий вес, и парень сразу понимает: это его кот Вася. Он заглядывает ему в глаза, пытаясь найти там ответ на главный вопрос — «Как?»: — Что ты тут делаешь? Ответа не последовало. Кот начал чего-то опасаться, мышцы под шерстью напряглись, и он попытался выбраться, но хозяин сжал его крепче, вдавливая когти в собственную куртку: — Я тебя больше не потеряю!

Вдалеке, где горела единственная лампочка в коридоре — лампа дневного света, которая всегда раздражала его в школе, — вдруг раздался хлопок, похожий на выстрел. Она взорвалась, осыпав пол стеклянной крошкой и оставив в воздухе запах озона. В ту же секунду его кто-то взял за руку. Кто-то явно невысокий и маленький, с холодными, как у лягушки, пальцами. Он отдернул руку, словно коснулся раскаленного угля, и повернулся. Увидел мальчика лет девяти в потрепанной одежде явно не нашего времени — в школьной форме девяностых, с чужого плеча. Мальчик стоял на месте и, не говоря ни слова, просто показывал пальцем вперед, примерно туда, где взорвалась лампочка. Взгляд героя устремился в темноту, но там была только абсолютная, густая чернота…

Кот выскочил из его рук и дал деру с такой скоростью, что воздух засвистел. Недолго думая, побежал и он! Доверившись коту, он бросился за ним в темноту, не разбирая дороги. Кот остановился возле двери с облупившейся табличкой «Архив». Не думая, парень открыл ее — оттуда сочился тёп-

лый, желтоватый свет, пахнущий старыми книгами! Решив, что пора покинуть эту тьму, они ворвались внутрь.

Это оказался коридор больницы с палатами за зеркальными дверями, похожими на двери в примерочных. Место жуткое, отдающее хлоркой и безумием, но он двинулся дальше, взяв кота на руки. Пройдя почти весь коридор, он краем глаза заглядывал в палаты. Койки были с замками и цепями! Настоящими цепями, вросшими в металл. Дойдя до конца, он взглянул коту в глаза, пытаясь мысленно спросить, куда идти дальше, потому что голосовые связки отказали. У кота изменился цвет глаз — с жёлтого на кроваво-красный, и они оказались в этом же месте, но в 80–90-х годах, когда всё здесь функционировало. В палатах лежали пристегнутые дети, ходили врачи и медсестры в пожелтевших от времени белых халатах. В ближайшей палате он увидел того самого мальчика, что брал его за руку в темном коридоре. Складывалось ощущение, что над ним проводят не лечение, а экзорцизм: стоял какой-то аппарат, похожий на советскую микроволновку, через него пропускали ток. Мальчик то вздрагивал, то замирал, и в один из моментов герою показалось, что над ним появился сгусток энергии — то ли его душа, то ли просто субстанция из чистой боли.

В другой стороне коридора из палаты вырвалась девочка. Она устремилась к выходу, за ней побежали озлобленные охранники с дубинками и электрошокерами, но девочка была быстрой и юркой — видимо, это не первая ее попытка

сбежать, тело помнило маршрут. Ей на вид лет тринадцать, она в белой рваной ночнушке до пола. Герой видит, что она уже сближается с ним. Он не знает, видит ли она его, ведь проходящие мимо врачи не замечали его присутствия, проходя сквозь него, как сквозь туман. Пока он думал, отойти ли в сторону, чтобы не мешать, она врезалась в него и упала, запутавшись в подоле. Все сразу обратили на это внимание. Она посмотрела ему прямо в глаза, а не сквозь него, и её зрачки были огромными от расширяющих препаратов. Она указывала на решетку вентиляции под потолком. Её начали скручивать, заламывая руки, а в глазах девочки была такая боль и неудержимая злоба, что у героя свело скулы.

Он перенесся в свое время. Просто моргнул — и декорации сменились. Только парень встал и отряхнулся, сбивая с джинсов бетонную пыль, как услышал не замолкающий ни на секунду истошный женский крик из дальней части коридора. Крик, от которого стынет кровь в жилах. Оттуда, откуда бежала девочка, начали взрываться лампочки одна за другой, и темнота очень быстро, физически ощутимо приближалась к нему, пожирая пространство. В этой тьме он увидел ту самую девочку — она не шла, она летела на него, не касаясь ногами пола. Страх и паника охватили его, парализовали колени. Он пытается открыть ту самую дверь в архив, в которую вошёл. Пальцы скользят по ржавой ручке. За секунду до столкновения, когда её искаженное лицо было уже в сантиметрах от его лица, ему удается распахнуть дверь и

рвануть внутрь. Он бежит без оглядки — чувство, что кто-то есть за спиной, дышит ему в затылок гнилью, его не покидает. Он заскакивает за угол, чтобы хоть чуть-чуть вздохнуть и дождаться, когда откроется второе или уже третье дыхание, которое бывает у загнанных зверей.

Кот, который всё еще у него в руках, ведет себя тихо. Но вдруг начинает издавать громкое мурчание, а скорее — пронзительные вопли, вибрируя всем телом. Голова кота повернулась на сто восемьдесят градусов с жутким хрустом шейных позвонков, и он сказал человеческим, скрежещущим голосом: «Я убью тебя». Парень не поверил своим ушам, но рванул дальше, не ослабив хватки и продолжая крепко держать кота, потому что выпустить его сейчас означало остаться одному в этой темноте навсегда. Он увидел окно. Ему показалось, что начало светать, горизонт посерел. Он выбрался на улицу, разбив стекло камнем, и осколки посыпались в мокрую траву. Было около пяти утра, уже светало… Но обстановка в городке оставалась пугающей: ни одной живой души рядом, ни звука машин, только карканье ворон. Полуразваленные дома, разбросанные игрушки и личные вещи, покрытые многолетней пылью. Он пролез сквозь разбитое окно, спрыгнул с высокого парапета на асфальт. На земле было много стекла, поэтому приземление сопровождалось громким, противным скрежетом и хрустом, который эхом разнесся по мертвому двору.

Он попытался двинуться дальше, но ноги дрожали. Будем

считать, что ночь он пережил в психушке. Пройдя пару домов, он заметил на стене табличку: «Дом 13, улица сержанта Лазарева». Оглянувшись, он увидел стаю собак, несущуюся прямо на него из подворотни. Они не лаяли, только тяжело дышали, и глаза их светились в сумерках. От безысходности он тоже побежал, разбрызгивая лужи. Как только появилась лишняя секунда, он решил проверить кота, который всё тяжелел в руках. Посмотрев ему в глаза, он увидел, как они снова меняют цвет, становясь зёлеными, и мир вокруг смазался, перенося его в то самое время, которое он так мечтал покинуть, но теперь уже понимал, что покинуть его нельзя. Конец первой главы.

«Нельзя уместить жизнь в одну строчку»

Глава 2

Нельзя уместить жизнь в одну строчку. Как нельзя уместить запах мокрого асфальта, крик матери и вкус первого дешевого пива в одно предложение. Жизнь — это всегда избыточность. Это лишнее слово, которое застревает в горле. Это кот, который прожил на три года дольше, чем ему было отведено ветеринарным паспортом.

Извините, но я снова откину вас на пару лет, а может, и больше назад. Наш герой… если его, конечно, можно так назвать. Можно? Имеет ли право называться героем тот, кто просто хочет проснуться?

Шёл 20… какой-то год. Вам, наверное, виднее, я давно

сбился со счета. Наш герой — довольно замкнутый в себе молодой человек. Не аутист, не гений, не изгой — просто парень, у которого внутри чуть больше эха, чем у остальных. Со своими личными проблемами, которые кажутся ему размером с Эверест, хотя со стороны это просто обычные холмики переходного возраста. Я бы не сказал, что он мечтал поступить в Гарвард или спасти мир, но если он чего-то хотел — например, новый скейт или чтобы соседская девчонка улыбнулась ему, — он добивался этого с упрямством быка. Тут как раз и начинается наша вторая глава. То, что было выше — это пролог. Тот самый вязкий, неприятный сон перед будильником. Сказал бы я это раньше, вы бы сразу перелистнули страницу и пошли читать вторую главу, но мне нравится держать вас здесь, в этой серой зоне между «уже не» и «еще нет».

Я хочу сразу снять розовые очки, если они у вас вдруг завалялись в кармане. Это не сказка. Тут нет Джона Константина в плаще и с сигаретой. Нет Джона Макклейна, который ходит по стеклу босиком. Он не спасёт мир в последнюю секунду, не обрежет красный провод, когда на циферблате бомбы застынет 00:01, и не поцелует принцессу. Ему бы просто. Просто выжить. Пережить эту ночь. И помощи ему пока ждать неоткуда, потому что в его телефонной книжке нет номера Бога.

Шёл 2007 год. Наш герой довольно мал ещё. Лет десять-одиннадцать, тот самый возраст, когда колени вечно в

зеленке, а мир кажется одновременно огромным и тесным, как спичечный коробок. Но его жизнь нам всё равно интересна, потому что именно там, в 2007-м, забили первые сваи того кошмара, в котором он живет сейчас. Он счастлив. Это самое страшное и самое важное. Он счастлив той простой, незамутненной радостью, когда мама зовет ужинать, а в комнате работает телевизор. Он всегда окружён семьёй, этим тёплым, пахнущим борщом и нафталином коконом.

Но главный его друг — это кот. Огромный чёрный котище по имени Васька. И это была не просто любовь ребенка к животному. Это было что-то глубже, на уровне первобытной эмпатии. Кот всегда понимал его. Жил чуть ли не одной жизнью с ним, дыша в том же ритме. Бывали даже такие, почти мистические моменты, что кот Васька его оберегал. Будто у него были глаза на затылке. Вот герой тянется к горячему чайнику, чтобы засунуть туда градусник и посмотреть, как поднимается ртуть, — и Васька вдруг падает со шкафа прямо ему на руку, сбивая движение. Вот он бежит по коридору, не глядя под ноги, спотыкается о порог — и Васька с шипением вцепляется ему в штанину, удерживая на краю, рядом с лестницей, ведущей в подвал. Это было замечательное, золотое время для них обоих. Время, когда время еще шло вперед.

Но, к сожалению, время не щадит никого. Даже тех, кто кажется вечным. Кот умер. Это случилось осенью, тихо и буднично: выскользнул в приоткрытую дверь, когда все гре-

мели на кухне, — и больше не вернулся. Он оставил после себя не только память в виде выцветшей картины на стене, где он был изображен с бантом, но и самые тёплые воспоминания, которые грели лучше батареи. И горькие воспоминания — острое чувство вины за то, что не уследил, не запер за ним дверь. Частичка его души, его тяжёлого, вибрирующего мурчания, всегда будет жить с ним, в костях.

Его чувства и сердце были разбиты впервые, по-настоящему. Да, жизнь она такая — она забирает тех, кого мы любим, просто чтобы напомнить, кто здесь хозяин. Но наш герой, в силу своего возраста и упрямства, не хотел в это верить. Он ждал, что Васька просто спрятался, что он вернется, как только проголодается…

Конец первого эпизода второй главы!

Гонка нашего героя уже давно напоминала не бег от кого-то, а гонку с самим собой. Кто выдохнется первым? И неизвестно, кто и куда прибежит, и тем более — где этот чертов финиш. Это забег в одну сторону, где рельсы замкнуло в кольцо. Обратного пути нет, даже если очень попросить.

Если наш герой до этого момента вообще не понимал, что за время и год были вокруг — всё казалось просто декорациями к страшному сну, — то сейчас всё изменилось. То ли по случаю судьбы, подбросившей монетку, то ли кот намеренно дернул за ниточку, перенося его, но он оказался именно в этом месте.

Он стоит на главной площади города Старый Горчак. На

календаре, судя по пожелтевшим листьям на деревьях и тяжёлому, свинцовому небу — начало осени. Но год… 1927-й. Он понял это по массивной, позолоченной надписи на здании администрации, стоящем в центре площади: «К 10-летию РККА». Буквы кажутся ему огромными, отлитыми из бронзы.

По виду городок небольшой, уездный, из тех, что рисуют на старых открытках. Но там была жизнь. Там были люди. И он, стоя в центре площади, не знал, видят они его или нет. Он был как призрак в музее восковых фигур. Оглядываясь, он видел всё — не берег и не море, конечно, но пару массивных пятиэтажных домов из красного кирпича, магазины с вывесками «Бакалея» и «Гастроном», аптеку с нарисованным на стекле огромным змеем. Гуляя по брусчатке и рассматривая город в своих мыслях, он уже забыл, что находится тут всего пару или тройку часов! Время здесь текло иначе — медленно, как смола.

И сейчас ему, наконец, пришло самое страшное осознание: а он тут. Реально. Его кроссовки стоят на настоящей пыли 1927 года. Он вообще реален?! Или он просто сошёл с ума, и всё это — предсмертная агония мозга в темном коридоре госпиталя?

И после этого осознания… он испытал довольно сильное, почти животное чувство голода и холода. Желудок свело спазмом, а кончики пальцев закололо. Уже вечерело, солнце садилось за крыши, бросая на площадь длинные, уродливые

тени.

Когда он двинулся в сторону магазина с большими стеклянными витринами, думая, что без проблем попробует взять там что-нибудь со стола — булку, яблоко — пока его не видят, он задел кого-то плечом. И не просто кого-то. А именно ту девочку. Ту самую, над которой в его времени проводили эксперименты. Ту, которая на его глазах пыталась спастись из лап охранников, падая и извиваясь.

Но здесь, в 1927 году, она была… культурной. Она не отшатнулась с ужасом. Она просто поправила сбившийся на плечах платок и ответила тихим, звенящим голосом: — Не переживайте, господин. Вы меня ещё спасёте.

На этом вторая глава всё-таки окончательно заканчивается. Не потому, что история иссякла, а потому что здесь, на этой пустой площади, под взглядом бронзового Ленина, время снова дало трещину. И в эту трещину начинает задувать ветер из 1987 года.

«Побег от кого-то или от себя самого»

Глава 3

Мысли, говорят, всегда материальны. Чушь. Если бы его мысли были материальны, он бы сейчас сидел дома, пил чай с бутербродом, а не дышал этой вековой пылью. Но не без воли случая — или воли того, кто крутит это чертово кино, — он вернулся. Его вышвырнуло обратно в ту же самую секунду, когда он, задыхаясь, бежал от стаи собак. Только сейчас всё

было иначе. Он уже знал этот город. Не так, конечно, чтобы с закрытыми глазами найти выход к вокзалу, но достаточно, чтобы обмануть пару шавок, даже если их глаза светятся в темноте кроваво-красными фонарями. Он знал, где трещат доски, а где — тишина.

Найдя угол для передышки между ржавым гаражом и кучей битого кирпича, он тяжело оперся спиной о холодную стену. Он не хотел думать о ней. Но девочка не давала ему покоя, она словно поселилась где-то за глазными яблоками, и каждый раз, когда он моргал, он видел её бледное лицо в рваной ночнушке.

И так как он бежал всё это время не один — вес кота в руках был самым реальным якорем в этом безумии, — он захотел взглянуть в глаза Ваське сам. Прямо сейчас. Посмотреть, что там, в этих зёленых омутах. Тут хотя бы риск был бы ради чего-то! Ради понимания. Но это так не работает. Нельзя просто взять и очутиться там, где хочешь, какими бы ни были твои намерения. Хоть чистые, хоть грязные. Хоть глаза кота и слезились от отчаяния, словно он понимал, в какую мясорубку затащил хозяина…

В поисках убежища — хотя какое убежище может быть в мертвом городе? — он залез в окно квартиры на первом этаже. Выбил форточку локтем, ввалился внутрь, стараясь не наступать на осколки стекла, разбросанные по полу, чтобы его никто не услышал. Хотя кто здесь мог его услышать? Только крысы.

Он пробрался на кухню. И замер. Там, на полу, у рассыпавшегося в прах бумажного пакета, лежали специи — перец, лавровый лист. Рядом, в луже засохшего масла, валялась жестяная банка тушёнки. Кто-то явно собирался в спешке, роняя вещи, хватая только самое ценное. Но для него, у которого желудок уже начал переваривать сам себя, это была не просто удача. Это был дар небес. Он не ел уже очень давно, если не считать того куска реальности, который он откусил в архиве.

Умело вскрыв тушенку подобранным тут же куском арматуры, он подцепил кусок сероватого, жирного мяса. Понял: это была самая вкусная тушенка в его жизни. Она пахла металлом, настоящим мясом и свободой. «Ну да, — подумал он, тяжело сглатывая и чувствуя, как тепло разливается по венам, — всё натуральное. Консерванты ещё не придумали, Е-добавки не добрались до этого захолустья. Здесь еда еще умеет насыщать».

Перекусив, чувствуя, как дрожь в руках сменяется свинцовой тяжестью, он решил осмотреть всю остальную квартиру. Это была обычная советская двушка, каких тысячи: тесный коридорчик, спальня и кабинет. В спальне искать было нечего — скомканное белье на кровати, выцветшие обои в цветочек. Прилечь бы сейчас, просто закрыть глаза на пять минут… Однако чувство интереса, это болезненное, профессиональное любопытство гробокопателя, переборола усталость.

Он прошёл в кабинет. Здесь стоял огромный, продавленный диван и массивный деревянный стол. А на стене — карта СССР. Огромная, желтоватая, в трещинах. Название городка — «Старый Горчак» — он запомнил с бронзовой таблички у входа в администрацию. Решил найти его на карте, провести пальцем, убедиться, что он существует хотя бы на бумаге. Но не смог. Его там просто не было. Лес, река, граница с УССР — всё на месте. А там, где должен быть Старый Горчак, — только зеленое пятно тайги.

Зато была красная точка. Жирная, нарисованная химическим карандашом прямо посреди лесного массива, без всяких подписей и координат. Где-то на самой границе. Точка в пустоте.

В столе оказалось много документов. Папки с грифом «Для служебного пользования», пожелтевшие бланки. И среди них — плотный, ледериновый пропуск. На имя Деменко Ивана Алексеевича. С маленькой фотографией уставшего мужчины с залысинами. Он был майором. В военном научном медицинском институте. Но самое главное — главой отдела наступательного биологического вооружения.

Герой опустился на пол прямо там, где стоял. Он подумал, что это за ад. Что, во имя всего святого, происходило в этом городке, если здесь живут такие люди, а самого города нет на карте? Это что, военный объект? Лаборатория? Каторжная зона для ученых?

Ночь сменилась утром медленно, неохотно. Серый свет

просочился сквозь пыльные окна, не принеся радости. Это уже был второй день, когда он не спал. Глаза резало, будто в них насыпали песка, а в висках стучала кровь в ритме метронома.

Но что делать? Это главный вопрос, который звенел в пустоте его черепа. Идти всё-таки обратно в госпиталь? В этот склеп, где его чуть не сожрал собственный кот и где на доске почёта висит фото его отца? Или искать выход? Пытаться найти дыру в заборе, которой нет? Это вопрос жизни и смерти. Или только эта девочка знает, как ему попасть домой? Она видела его во всех временных отметках, она сама сказала, что он её спасет. Так что же: искать её, как иголку в стоге сена, или просто блуждать в поисках выхода, пока не упадет замертво?

Я вам говорил: он не герой. Запишите это у себя на подкорке. Он не хочет спасать мир. Он пошёл искать выход, оправдывая себя тем, что так, может быть, спасёт всех — девочку, город, себя. Это удобная ложь, чтобы не чувствовать себя эгоистом. Кот с ним, он всем поможет… если захочет. Да и девочка просто так не появляется в чужом прошлом!

Ну, городок-то небольшой. Главная площадь совсем обветшала, здание администрации покосилось, пара пятиэтажек зияют выбитыми окнами, как черепами. А всё остальное — это рабица и бетонный забор в три метра высотой, если вы, конечно, не забыли.

Походив кругами по периметру, натыкаясь на одни и те

же тупики, он всё-таки решил попытать удачу. Снова зайти в госпиталь. Вдруг всё-таки там есть ответ? Вдруг в подвале, куда он не дошёл, лежит папка с надписью «ИНСТРУКЦИЯ ПО ВЫХОДУ ИЗ КОШМАРА»?

Но то ли по воле случая, то ли это было кем-то задумано с самого начала… кот решил оставить его. Просто спрыгнул с рук, когда они подошли к ржавым воротам, и уселся на кучу щебня, начав вылизывать лапу. Он больше не следовал за хозяином. Он смотрел на него с осуждением, с которым смотрят старые боги на своих провинившихся жрецов.

И дальше ему придётся идти одному.

И это конец 3 главы. Не точка, не восклицательный знак. Просто многоточие, повисшее в тяжёлом, пахнущем пылью воздухе мертвого утра.

«Ответ должен получить каждый»

Глава 4

Не понимая, какое сейчас время — пульсирует ли вокруг 1987-й, 1927-й или всё та же вязкая, бесконечная ночь в психушке, — и что там может произойти за следующим поворотом, наш герой заходит обратно в госпиталь. Так же, как делал это в самом начале: с тем же первобытным, сжимающим мочевой пузырь страхом, но уже с другой целью. Теперь это не бегство. Это возвращение на место преступления в поисках улик. В поисках ответа. В поисках выхода.

Правда, его страх стал другим. Он стал… тише. Он боль-

ше не парализует колени, а просто холодным компрессом лежит на затылке. Привычка. Организм учится выживать даже в аду. Но его верного друга, этого мохнатого надзирателя, так и нет. Васька остался там, у ржавых ворот, на куче щебня, где сел и больше не последовал за хозяином. И от этого одиночества, впервые за всё время, герою по-настоящему холодно.

Он проходит мимо бывшего ресепшена. Под ногами хрустят осколки шприцев, давится рассыпанная белая крошка — то ли мука, то ли какой-то медицинский порошок, то ли просто пыль, притворившаяся чистотой. Он наступает на что-то мягкое, влажное, и раздается мерзкий, чавкающий звук. Даже этот скрежет и хруст его не пугают. Они просто становятся частью саундтрека этого места.

Но, по-честному, этот шум ни к чему не привёл. Ответных действий не последовало. Ни шёпота, ни мигания ламп, ни появления силуэтов в конце коридора. И что? Он перестал верить? Перестал бояться? Или нечисть ушла, наелась, устала играть? Или всё это вообще было? А где тогда девочка — растворилась в прошлом, пропала, как утренний туман, оставив его одного сходить с ума в этих декорациях? Как её найти, если он даже не знает, в каком веке находится?

Не найдя ответа — тишина не дает подсказок, — он продолжает свой путь. Уже даже заблудившись окончательно, потеряв всякое представление о том, где север, а где выход, он всё равно спокоен. Пугающе спокоен. Ничего не проис-

ходит. Совсем. Он просто ночью в разрушенном здании, и никого, кроме него, эха его шагов и дыхания. Это отсутствие угрозы пугает сильнее, чем её присутствие. Ожидание казни порой страшнее самой петли.

Но всё-таки интрига, эта садистская натяжка струны, остаётся. Проходя очередной тёмный пролёт, где пахнет сырой известью и озоном, он замечает на стене полумигающую табличку. «Выход!». Лампочка внутри неё бьётся в конвульсиях, как сердце при аритмии. Тук… тук-тук… пауза… тук.

И, идя к ней, он думает, усмехаясь уголком рта: «Но вот тут-то всё и начнётся. Сейчас. Сейчас они появятся. Девочка с её злым отчаянием, тот мальчик с его пустыми глазами и вся нечисть, которая прячется за обоями!»

Но, подойдя к ней вплотную, он видит лишь одно. Белый прямоугольник пластика. И на нём — трафаретные, едва читаемые буквы: Главный врач И.П.Б. имени В. М. Бехтерева — Архипов

И это пугает его больше, чем вся нечисть, которая могла бы резко, со звуком раздираемой ткани, выскочить из шкафа. Больше, чем собаки с красными глазами. Больше, чем говорящий кот. Фамилия. Его фамилия. А отца звали Сергей.

Мир сужается до этого пластикового прямоугольника. Воздух становится густым, как кисель, и застревает в горле. Он не может вдохнуть. Это не совпадение. Это родословная, написанная кровью на стене его личного склепа.

И от бури этих эмоций, от этого ледяного, абсолютного ужаса, который наконец пробил броню его спокойствия… он просыпается.

Конец четвёртой главы.

«Не каждый может это принять»

Глава 5

Открыв глаза, он, конечно, первым делом подумал, что это был дурацкий сон! Самый логичный, самый спасительный вывод. Мозг цепляется за соломинку нормальности. Он даже на пару часов сумел забыть об этом, провалившись в спасительное забытье. Стал спокойно жить. Пошёл в школу, отсидел уроки, глядя в окно. Пошёл на встречу с друзьями в торговый центр, смеялся над глупыми шутками. Даже познакомился с какой-то новой девчонкой из параллельного класса — у неё были смешные веснушки и крашеные в розовый волосы. Всё было почти как раньше.

Но накануне 23 февраля в универе всем объявили: на студвечер — только в карнавальных костюмах. Когда он полез в шкаф в прихожей, чтобы достать старую отцовскую шинель, его рука наткнулась на что-то плотное, чужеродное. В самом дальнем углу, за зимней курткой, лежал скомканный ком. Грязная, задубевшая от пота и пыли кофта. И штаны — те самые, рваные снизу, пропитанные собачьей слюной и запахом гнили.

И в тот же час, в ту же секунду, как только пальцы коснулись холодной, влажной ткани, он забыл о друзьях. Забыл о новой девушке. Забыл, как дышать. Весь мир сузился до этого кома грязной ткани. Сейчас его волновало лишь одно, бьющееся в голове, как пульс: это был сон или всё же нет?

Последнее, что у него крутилось в голове перед тем, как он закричал и проснулся в прошлый раз — это И.П.Б. с его фамилией. «Ну сейчас же 21 век, — подумал он, лихорадочно включая компьютер, пальцы прыгали по тачпаду. — Сейчас всё гуглится. Сейчас я либо успокоюсь, либо…»

Он вбил в поиск: «И.П.Б. имени Бехтерева». Ссылка не открылась. Браузер выдал холодную, белую страницу: «404 Not Found». Он попробовал зайти через анонимайзер, через VPN. Результат тот же. «Закрыто, — сказали ему цифры на экране. — Доступ ограничен. Ресурс заблокирован».

Что за бред! Но это его не успокоило. Это его только раззадорило! Страх — отличный катализатор. «Ладно, — подумал он, кусая губы до крови. — Не нашлось бы ничего, я бы списал это на сон, на стресс, на что угодно! Я бы пошёл к врачу! Но доступ закрыт… Не просто так. Явно же! Это не пустота. Это засекречено».

Он начинает думать, что ещё было. Что он помнит сквозь пелену сна, сквозь слои пепла в памяти? И всплывает. Госпиталь. Бехтерев. Он гуглит: «Институт имени Бехтерева история». Тут-то информация находится, всплывает из недр сети, но от этого не становится легче! Он читает про психо-

неврологию, про лоботомию, про опыты над сознанием. А причём тут его корни? При чём тут его отец Сергей?! Он начинает гуглить свою фамилию в связке с институтом. «Архипов + И.П.Б.».

И опять — закрыто. Не то чтобы пусто, выдавая «ничего не найдено». Нет. Доступ намертво закрыт. Страница мигает красным. Это не отсутствие информации. Это её присутствие под замком.

«Ну хорошо, — думает он, и в его голове впервые рождается холодный, взрослый план. — Не всё же так цифровое. Если серверы чистят, должны быть личные архивы. Бумага горит долго».

Хоть он и не знал отца — тот ушёл, когда он был совсем мелким, — и почти не знал своего деда, который жил с ними, но годами не поднимал на него глаз, как-то жил без них, справлялся с мамой и бабушкой, которые, к слову, тоже ушли давно… всё это его раньше не интересовало. Зачем копаться в мертвецах, если ты жив?

Но сейчас проявился интерес. И не простой, не любопытство мальчишки. Его сопровождал страх, поднимающийся от пяток к макушке липкой, холодной волной, и непреодолимое, физическое чувство осознания этого всего. Как будто пазл, который он не собирал, вдруг встал на место, и картинка оказалась из фильма ужасов.

Он полез на чердак. Старый, захламленный, пыльный, пахнущий сушеными травами и детством чердак. Где была

вся старая утварь, сломанные лыжи и пара больших, перетянутых изолентой картонных коробок с надписью «Личные вещи».

С фонариком в телефоне, в тесноте, где невозможно разогнуться, ему не составило труда открыть их. Внутри лежал хлам. Но на самом дне, под ворохом пожелтевших наволочек, он нашёл её. Общую фотографию.

Глянцевая, чуть потертая на сгибах. Группа людей в белых халатах на фоне того самого фасада госпиталя. И подписи, выведенные чернилами под каждым: Архипов, Грабов, Туров и Измайлов. Его отец — молодой, красивый, улыбающийся — стоит в самом центре. Он выглядит счастливым.

Рассматривая это фото, щурясь от света фонарика, он так увлекся, что пропустил момент. Резкий удар в окно. Звук был такой, будто в стекло врезался камень или крупная птица.

С опаской глянув в темноту за окном, он увидел своего кота. Васька сидел на ветке старой яблони, мокрый от росы, и смотрел прямо на него. Который, похоже, только и ждал этого момента. Ждал, когда сознание героя наконец схлопнется, когда он примет всё это.

Открыв окно, впуская холодный ночной воздух, и взглянув в глаза коту уже с меньшей опаской — страх выгорел, остался только пепел, — он понял, что сейчас произойдет. Контакт. Признание.

Мир смазался, превращаясь в водоворот из запахов —

озон, пыль, яблоневый цвет, гниль — и он перенёсся…

…в 1934 год.

И это конец 5 главы.

«Ты ищешь то, что тебе хочется здесь найти»

Глава 6

Очутившись снова в этом захудалом, гниющем заживо городишке, в котором хоть и пока теплилась какая-то извращенная, полужизнь, он знал пару мест, куда можно зайти! Куда можно заползти, как таракан, прячущийся от света. До сих пор он не понимает, реально ли это всё или нет, или он давно уже перешагнул ту грань, за которой санитары надевают смирительные рубашки. Сошёл ли он с ума окончательно, или это какая-то кроличья нора, вырытая специально для него. Ответа на то, может ли он тут умереть физически или нет, нету! В любом случае надо быть осторожным. Осторожность — это всё, что у него осталось.

Он двинулся в сторону госпиталя, но уже не просто перебежками, пригибаясь от теней, а спокойным, почти прогулочным шагом, вслушиваясь в то, что говорят остальные люди — если эти шёпотки в вентиляционных шахтах можно было назвать людьми. В надежде понять, что тут произошло, потому что его интересовала теперь не только судьба этого проклятого города и его обитателей, но и его семьи. Его гнилые корни.

Идя в сторону своей цели, он заметил библиотеку. Облу-

пившееся здание с колоннами, похожее на склеп. С его мальчишеской, отчаянной решимостью он решил зайти и в неё: вдруг там есть какой-то ответ? Бумажный, пахнущий клеем, который нельзя просто «заблокировать»? Интернета, понятно, не было, но вдруг остались вырезки газет или ещё какая-то информация про семью Архипова Сергея! Про его отца, которого он видел на фотографии с чердака — молодого, улыбающегося.

Подходя к лестнице главной библиотеки города «Старый Горчак», он услышал голос. Он шёл не снаружи, а изнутри, вибрируя в костях: «Тебе тут не место!» Но, подумав, что его уже не так-то просто испугать после того, как он ударил пепельницей собственному коту, он начал подниматься по лестнице, и в эту же секунду, без всякого предупреждения, без нарастающего гула, обвалилась крыша всей библиотеки!

Кусок бетонной крыши, размером с автомобиль, упал в пятидесяти сантиметрах от него, подняв облако белой, едкой пыли. Если бы он на секунду не задумался, не замер от этого голоса, который услышал, то в ту же секунду был бы превращен в мокрое пятно на паркете!

И, стоя в облаке пыли, осознавая всё это — близость смерти, запах известки и озона, — он пытался понять: этот голос пытался его напугать и всё подстроить? Или спасти? Но в глубине души он знал, что всё равно найдёт вход в эту библиотеку, даже если ему придется грызть бетон зубами.

Без лишних раздумий он осмотрел здание, или уже руи-

ны библиотеки, с разных сторон. В правом крыле, там, где пожарная лестница вгрызлась в кирпич, осталось окно, выдавленное взрывной волной, в которое он смог бы залезть. Он пролезает в него, стараясь отодвинуть кирпичи и мусор, ободрав ладони в кровь, продвинулся в дверной проем, который каким-то чудом остался цел. Переведя немного дух, он замечает лестницу вниз, в подвал. Его, конечно, посетила мысль — откуда в библиотеке такой глубокий, уходящий спиралью в темноту подвал, пахнущий формалином, но этот вопрос стал для него слишком личным! Почти спустившись на два пролёта вниз, подходя к приоткрытой железной двери, из которой тянуло холодом, он опять услышал этот голос: «Тебе тут не место».

Это лишь пробудило его интерес, как запах крови пробуждает интерес акулы. Там оказался архив. Немного осмотревшись при свете телефона, он увидел и коробку с жирной, трафаретной отметкой госпиталя И.П.Б.! В каждой папке лежало одно и то же, как под копирку написанное свидетельство о рождении, один документ, гласящий, что ребёнок — душевно больной, и один документ о передаче ребёнка на лечение в И.П.Б. Папок было около тридцати, и в одной из них была фамилия Темникова Ксения. И с черно-белой фотографией, на которой смотрела она. С пометкой «похищена у семьи в 1930». Той самой девочки, которую он видел два раза. Под фотографией была подпись, выцветшая почти начисто: уцелело только «Ксения Т.».

Только он решил взять эту папку с собой, как что-то невидимое, но обладающее физической силой, швырнуло его на землю с криком, прозвучавшим прямо в висок: «Я тебе говорил, нельзя тебе это знать!». И на него начали падать стеллажи с коробками. Железо и бумага. Он устремился к железной двери! Но уже подползая, его всё-таки передавило. Задыхаясь под завалами, придавленный собственным знанием, его последняя мысль была не о смерти. Она была только о его семье и коте Ваське. Конец 6 главы.

«Всё имеет свой смысл»

Глава 7

Вокруг начало светать, но солнце еле-еле, стыдливо проглядывалось сквозь густую, желтоватую пыль, висящую в воздухе после обвала. Наш герой пришёл в сознание, но не мог пошевелиться. Сверху давила бетонная плита, вдавив ребра так, что каждый вдох отдавался острой болью в лёгких. И тут его спасителем стал чёрный кот.

Васька возник из ниоткуда. Он не запрыгнул на грудь, он просто возник. У него был лишь один шанс спасти его, перенеся в другое время, но ему пришлось это делать быстро, пока тот не задохнулся под тяжестью стеллажей и не захлебнулся собственной кровью. Ближайшим временем оказалось 19… какой-то год, цифры расплывались.

Но с учетом того, что его пытались перенести быстро, всё было смазано и непонятно, словно мир протирали грязной

тряпкой. Лишь мелкие фрагменты, несколько сцен мельком, как при эпилептическом припадке! Опыты. Роды этой девочки — кровь, много крови на клеенке. Какие-то сцены избиений, тени на стене. Фрагменты работы за столом какого-то человека, склонившегося над колбами. Потом его кто-то потянул за спину с криками, от которых лопались перепонки: «Смотрите! У нас получилось, это реально! Архипов был прав!». И после этого — сильнейший взрыв синего цвета, выжегший сетчатку. И он оказался в своём времени!

И он опять проснулся в своей кровати. В своей мягкой, безопасной кровати. И перестал что-либо понимать! На часах возле кровати, рядом с фоткой кота, было 09:11! Это был выходной, он мог ещё пару часов поспать, укрывшись с головой, но мысли его были лишь об этом! Он потерял сон на эти все дни — только лишь бы не возвращаться в тот ад, который он видел, не чувствовать запах пыли и озона. Всё, хватит уже, это паранойя! Я просто болен!

Конец седьмой главы.

«Вырванный кусок из реальности»

Глава 8

Несколько дней без сна не принесли облегчения. С каждым часом он всё отчётливее понимал: покоя не будет, пока он не разберётся во всём этом. Одержимо перерыл весь дом, напугал семью, заорав на них — он не понимал, почему не может найти ни одного совпадения с тем, что видел, или с

этими упоминаниями места. Хоть он и видел на карте красную точку, вспомнить, где именно она находится, не смог. Начал прочёсывать интернет — но тоже тишина.

Он уже начал убеждаться, что это всё фикция, что этого не было. Начал опускать руки. Но тут его дедушка сказал: — Успокойся, Лёша. Хватит вести себя так и пугать всю семью, не становись похожим на… — На кого?! — крикнул он, но дед ушёл. — Сказал, хватит бродить в тумане. Этим ты никому не сможешь помочь!

И тут он выбежал на улицу, просто побежал, не останавливаясь, чтобы ветер выбил всё из головы или, наоборот, принёс ясность! Но он не мог понять, на кого похож. Он больше никого не знал! Кому помочь? Кого дед имел в виду? Он же не мог знать про его сны! И про какой туман он говорил?

Пробежав мост через речку, он остановился, потому что устал, да и голова стала совсем мутной. Он чуть-чуть присел. Перевёл дыхание и, только решив встать, увидел кота. — Сейчас ты всё поймёшь, но принимать решение — это только тебе, — сказал тот и перенёс его опять в 80–90-е годы.

Он приходит в себя в грязной луже. Кот толкает его лапой к двери подъезда. Он оглядывается: на стене висит советский календарь. 22 февраля 1987 года. Он понимает: завтра 23 февраля — праздник, о котором говорила надпись на администрации. Город живет в ожидании.

Он находит здание администрации. Внутри нет зомби — только обычные советские служащие. На стене висит доска

почёта. В центре — чёрно-белое фото его отца, Сергея Архипова, с подписью «Лучший молодой учёный НИИ». Отец на фото выглядит неприятно спокойным.

Он пробирается в жилой блок учёных. В квартире отца он находит не формулы, а детский рисунок: синий взрыв, из которого торчат руки, держащие кота. На обороте кривым детским почерком подписано: «Папа говорит, Ксеня станет звёздочкой, чтобы мы могли летать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.